

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ

ГАРПАГОНИАДА

Часть сборника: Козлиная песнь (сборник)

Константин Вагинов

Гарпагониада

«Public Domain»

1934

Вагинов К. К.

Гарпагониада / К. К. Вагинов — «Public Domain», 1934

ISBN 978-5-699-22859-1

«Константин Константинович Вагинов был один из самых умных, добрых и благородных людей, которых я встречал в своей жизни. И возможно, один из самых даровитых», – вспоминал Николай Чуковский. Писатель, стоящий особняком в русской литературной среде 20-х годов XX века, не боялся обособленности: внутреннее пространство и воображаемый мир были для него важнее внешнего признания и атрибутов успешной жизни. Константин Вагинов (Вагенгейм) умер в возрасте 35 лет. После смерти писателя, в годы советской власти, его произведения не переиздавались. Первые публикации появились только в 1989 году. В этой книге впервые публикуется как проза, так и поэтическое наследие К.Вагинова.

ISBN 978-5-699-22859-1

© Вагинов К. К., 1934

© Public Domain, 1934

Содержание

Глава I. Систематизатор	6
Глава II. Поиски соловьиного пения	12
Глава III. Торговец сновидениями и покупатель	14
Глава IV. Зеленый дом	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Константин Вагинов

Первая редакция

Глава I. Систематизатор

Коренастый человек с длинными, нежными волосами, в расстегнутой студенческой тужурке с обтянутыми черной материей пуговицами, в зелено-голубоватых потертых диагональных брюках сидел за столом на кухне.

Стол освещала электрическая лампочка, висящая на шнуре.

Перед человеком лежали: ногти остроконечные, круглые, женские и мужские различных оттенков. На каждом ногте чернилами весьма кратко было обозначено где, когда ноготь срезан и кому он принадлежал.

Была глубокая ночь.

Дочь и жена сидевшего за столом человека давно уже спали.

И то, что все спит вокруг, доставляло бодрствующему невыразимое наслаждение.

Он перебирал ногти, складывал в кучки, располагал в единственно ему известном порядке.

Нет, собственно, и ему неизвестен был порядок, он искал его, он искал признаков, по которым можно было бы систематизировать эти предметы.

Он брал ногти на ладонь и читал надписи:

Самарканд
1921 г.
Копошевич.

Саратов
1922 г.
Уленбеков.

Астрахань
1926 г.
Карабозов.

Осторожно перетирал тряпочкой.

Он был горд, он предполагал, почти был уверен, что никто в мире, кроме него, не занят разрешением некоторых вопросов.

Один ноготь от движения его руки соскользнул со стола и упал на пол.

Сидевший переменялся в лице.

Под столом было темно и пыльно.

Бодрствующий присел на корточки, но не увидел ногтя.

Злобствуя и ругаясь, зажег спичку. Он боялся раздавить ноготь. Осветив пол, он еще больше испугался. В полу оказались трещины и щели.

Но, к счастью, ноготь Уленбекова нашелся. Он мирно лежал у стены. Одно неловкое движение, и ноготь провалился бы в щель.

Торжествуя, человек поднялся, стал сдувать с предмета пыль, протер его тряпочкой и осторожно, как святыню, положил в коробочку.

Снова сел за стол и задумался.

Неся ногти в абиссинских резных коробочках, человек прошел закоулок, где стояла недорогая дореволюционная энциклопедия, и вошел в свою комнату. Комната была необычайно узка (ее можно сравнить с отрезком коридора) и до предела насыщена влагой. Сыро в ней было до такой степени, что две стены были буквально обнажены от обоев. Серая штукатурка была почти мягка.

У стены, лишенной обоев, стояла, вплотную его кровать с серыми влажными плоскими подушками и суровым, не менее влажным, одеялом.

У покрытого льдом окна – коробки, сундучки и фанерные ящики из-под фруктов. На отжившем расклеившемся письменном столе – конвертики, свертки, пузырьки, книжки, каталоги, владельцем комнаты самим сочиненные.

В шкапу хранились бумажки исписанные и неисписанные, фигурные бутылки из-под вина¹, высохшие лекарства с двуглавыми орлами, сухие листья, засушенные цветы, жуки, покрытые паучками, бабочки, пожираемые молью, свадебные билеты, детские, дамские, мужские визитные карточки с коронами и без них, кусочки хлеба с гвоздем, папиросы с веревкой, наподобие рога торчащей из табаку, булки с тараканом, образцы империалистического и революционного печенья, образцы буржуазных и пролетарских обоев, огрызки государственных и концессионных карандашей, открытки, воспроизводящие известные всему миру картины, использованные и неиспользованные перья, гравюры, литографии, печать Иоанна Кронштадтского, набор клизм, поддельные и настоящие камни (конечно, настоящих было крайне мало), пригласительные билеты на комсомольские и антирелигиозные вечера, на чашку чая по случаю прибытия делегации, на доклады о международном положении, пачки трамвайных лозунгов, первомайских плакатов, одно амортизированное переходящее знамя, даже орден черепахи за рабские темпы ликвидации неграмотности был здесь.

С гордостью человек окинул взглядом комнату. Все это человек должен был систематизировать и каталогизировать. Все это он должен был распределить по рубрикам.

Он сел на свою сырую постель, тоже заваленную всевозможными предметами. Он осторожно вытянул ноги, весь пол был покрыт предметами.

Он снял сапог и взглянул на визитные карточки, ему жаль было ложиться спать. Ведь можно было еще поработать.

Он поднял с полу свежепринесенные визитные карточки, стал просматривать их, расшнуровывая второй сапог.

LOGUINOFF
Capitaine aux gardes.
Aide de camp de son Altesse Royale le duc
ALEXANDRE de Wurtemberg²

– К какому же разряду эту голубую женственную карточку отнести? Пожалуй, таких карточек не очень-то много на свете существует. Назовем пока этот разряд – экзотические визитные карточки.

Владимир Христианович
Хольм
Представитель Администрации по делам «Р. Кольде».
Вознесенский пр., 36
тел. 235-59.

– Карточка представителя частной торговой фирмы начала XX века.

Иван Иванович
Персональный.

– Вот куда эту отнести – совсем неизвестно. Профессия не обозначена, а фамилия запоминается. Может быть, он был присяжный поверенный? Поставим знак вопроса. Справимся по «Всему Петербургу». Придется завтра пойти в Публичную библиотеку.

---

¹ Некоторые из них должны были изображать великих поэтов, писателей, деятелей науки, политики. – *Прим. автора.*

² Логинов, капитан гвардии. Адьютант его светлости герцога Александра Вюртембергского (*фр.*).

Карточки под мрамор, перламутр, слоновую кость, с траурными кантами, золотыми обрезами он положил на чистенькое место, чтобы они не запылились.

Завтрашнюю ночь он посвятит визитным карточкам.

Человек стал снимать тужурку, но заметил, что на стуле лежат этикетки от баклажанов. «Жена у меня золото, – подумал он, – она обо мне заботится».

Эта комната казалась заманчивой его ребенку. Из спичечных коробок так хорошо раскладывать домики, интересно рассматривать картинки с тетями и зверями, с цветочками, долачивать сломанные часы. Но злой папа не позволяет играть, он даже не впускает в комнату свою Ираиду, даже попорченных жуков не дает отец своей дочке, даже поломанных бабочек.

Ведь надо иметь и образцы порчи, образцы зигзагов излома, классифицировать всевозможные повреждения от паразитов, от падения, от неаккуратного обращения.

Зуб, попорченный костоедом, прибавлял к другим зубам, стоптанные каблукки к другим стоптанным каблуккам, поврежденные пуговицы к другим поврежденным пуговицам.

Все это размещалось по коробочкам, по конвертикам, надписывалось.

Когда у систематизатора родилась дочь, он сказал жене:

– Я не перевариваю детей до году.

Но однажды, когда из комнаты все ушли, он подошел к колыбели и попробовал, мягкие щеки у ребенка или нет, и задумался: он видел, как дочь подрастает, как у нее отрастают волосы и ногти, как выпадают молочные зубы, волосы и ногти он стрижет, зубы собирает в коробочки, у дочери появляются подруги, у подруг тоже волосы и ногти отрастают, молочные зубы выпадают.

Дочь его собирает эти предметы для отца.

Ласково склонившись, смотрел отец на свое произведение.

Он видел:

Вот дочь ловит всяких мух и приносит ему.

В школе собирает для него огрызки карандашей, выменивает фантики, подбирает для него разные бумажки, первые пробы пера, черновики классных работ.

Вот она уже взрослая и помогает ему в деле систематизации.

«Да, – подумал он, – недурно иметь ребенка».

Систематизатор посещал обладателей мелочей.

Работы у преподавателя голландского языка было достаточно. Скопидомов в городе много.

Бухгалтер Клейн, например, копил все с изображением Петербурга, от открыток до пивных этикеток. Престарелый донжуан, режиссер небольшого театрала – свистульки, киноактер – дамские перчатки. Были собиратели обрывков кружев, кусочков парчи, бисеринок, дамской отделки.

Для всех этих людей город являлся золотым дном, северным Эльдorado, новым Геркуланумом и Помпеей.

Названные лица все свободное и не совсем свободное время тратили на раскопки.

Они раскапывали комнатки еле двигающихся старушек и старичков, у которых что-либо еще сохранилось.

Одолеваемые страстью к собственности, другие собирали не предметы, а нечто нематериальное... но обладающее известным вкусом и запахом, – например, ругательства, анекдоты, красивые фразы из книг, обмолвки, ошибки против русского языка.

Одни из скопидомов погружались в гордые мечты, преувеличивая эстетическую ценность некоторых предметов (кружев), другие объясняли свое накопление (дамские перчатки) жела-

нием написать особую книгу «История дамских перчаток», третьи – любовью к зрелищам, радующим глаз (парча).

Так жил систематизатор среди этих своеобразных капиталистов, бандитов и разбойников, не брезговавших кражей, похищением ценных для старичков и старушек, часто лишь по воспоминаниям, предметов. Эти собиратели были настоящие эксплуататоры, неуловимые, жестокие и жадные.

Они незаметно своих знакомых превращали в своих рабочих, они путем морального воздействия заставляли их трудиться в пользу частного накопления.

В этой части общества существовали нерегламентированная государством меновая и денежная торговля, купля и продажа, неуловимая для финансовых органов. Здесь платили довольно дорого за какую-нибудь табачную этикетку первой половины XIX века, за какую-нибудь фабричную марку, покрытую позолотой.

Эти эксплуататоры не брали патента, они жили вольной разбойничьей ассоциацией. В невозможных для частного накопления условиях они все же, обойдя все законы, удовлетворяли свою страсть.

Жена систематизатора уехала с ребенком на дачу в Левашове. Жулонбин не поехал, он предпочитал не расставаться со своим богатством.

Но он, конечно, проводил свое бедное семейство на вокзал и обещал при первой возможности навестить.

На прощанье Жулонбин сказал:

– Ты сама видишь – они заплесневели.

Систематизатор даже облегченно вздохнул после отъезда своих домашних на дачу.

Он внес свои вещи в комнату жены.

За зиму все это в сыром помещении страшно пострадало.

Спичечные коробки покрылись плесенью, расклеились, перья заржавели, на огрызках карандашей краска разбухла, афиши стали невероятно влажными и готовы были расползтись.

Систематизатор стал раскладывать и расставлять свои богатства.

На подоконник положил спичечные коробки и огрызки карандашей.

«От солнца могут выгореть краски», – подумал он.

Снял Жулонбин вещи с подоконника.

Он обратил внимание на черную резную этажерку.

Он снял с этажерки фарфоровый грациозный бюстик Жанны д'Арк, бронзированную кошечку-скопидомку, статуэтку цвета морской волны, изображавшую голую женщину с распущенными, длинными до пят, волосами.

Отнес все это в угол комнаты.

Расположил пестрые экспортные спичечные коробки с аэропланами, Пандорой, римскими колесницами, пальмами, скачущим жокеем, пантерами, тиграми, оленями, гербами государств, видами островов, с надписями на китайском, арабском, английском, французском и других языках.

Пандора сильно пострадала, плесень выела белое лицо, босые ноги и часть рыжих волос.

Систематизатор осторожно стал отдиравать афиши одну от другой и класть на постель своей жены.

Окно было раскрыто, и в комнату проникал запах дрожжей, исходивший от расположенного напротив пивоваренного завода.

Жулонбин сел на подоконник боком и предался размышлению.

Он думал о том, что можно соединить приятное с полезным, что теперь, может быть, удастся, благодаря отъезду жены, расставить и разложить в этой комнате множество вещей в известном порядке, и тогда легче будет систематизировать.

Он стал освобождать комнату жены от громоздких предметов, посуды, фикусов, кактусов, скатертей, сундуков с имуществом жены.

Вместо посуды на безногий буфетик с зелеными пупырчатыми стеклышками он поставил набор сухих свадебных букетов.

Под круглым зеркалом с изображением фонтана, на столике, обтянутом кисеей, он разложил вынутые из аптечных коробочек всевозможные жетоны, значки ОДН, ОПТЭ, ОДР, флажки, обозначающие отрасли промышленности, ордена.

На обеденный стол он стал наваливать лозунги и плакаты.

Ребенок подрастал. Тайком от отца девочка стала собирать спичечные коробки, но только в отсутствие отца она могла играть ими. В отсутствие отца она строила домики.

Отец сам стриг своей дочери ногти, матери он запретил это занятие.

Таким образом, благодаря своему отпрыску, систематизатор приобретал ногти нужной ему длины и формы. Таким образом он получил добрую сотню вариантов.

Что бы ни приносила в дом дочь – все отбирал отец. Девочка не понимала и плакала.

– Да дай же ребенку поиграть! – говорила жена своему мужу. – Ограничь же в конце концов свою ненасытность. Собирать можно, но собирание стало для тебя культом, нельзя же так в конце концов! Дай ребенку порезвиться, ведь детство бывает только раз в жизни.

Она перестала впускать отца одного в свою комнату.

Всегда ее комната в ее отсутствие была заперта на ключ. Комната систематизатора тоже была заперта на ключ.

Но жена знала, что все равно муж ее обворует.

Она жила в вечном страхе, что муж проникнет и похитит фантики, похитит бумажные кораблики, разрозненные колоды карт, кубики, азбуку.

Муж надеялся, что жена постарается восполнить пробелы и таким образом в конце концов эти набеги не повредят дочери, а ему принесут даже пользу. Появятся новые предметы, которые когда-нибудь можно будет взять.

Следил отец, как подрастают локоны у дочери.

Раз в отсутствие жены посадил систематизатор дочь к себе на колени, дал ей поиграть сломанным восковым гусем, взял незаметно ножницы и отрезал предмет восторга жены – детский локон. Другой оставил, пусть подрастет еще. Может быть, и цвет переменится, какой-нибудь новый оттенок появится.

Вернувшись из очереди, жена увидела совершенное и почувствовала отвращение к мужу.

– Нельзя же быть таким бесстыжим! – закричала она и заплакала. – Если ты не хочешь, чтобы я ушла с ней, не смей к ней прикасаться и пальцем, стриги волосы и ногти у своих знакомых, а моей дочери я тебе не отдам.

– Брось его! – говорила подруга. – Это не человек, а какой-то крокодил.

Но Клавдии жаль было его бросить, Клавдии казалось, что вот муж перестанет перебиваться случайными уроками, все пойдет по-новому. Он поступит на службу, у него появятся новые интересы, он увлечется работой, он расстанется с малосимпатичными ей собирателями спичечных коробок, тростей, свистулков, а главное – с этим постоянно шляющимся к ним покупателем ругательств.

Да, этот врач крайне несимпатичная личность, насквозь прожженный циник. Небольшого роста, пузатый, с выпученными глазами, он всюду собирает ругательства. Видно, что он своей ролью наслаждается.

– Вот какое я ругательство подцепил! – и радостно хохочет. – Да, я в свое удовольствие живу!

Клавдия задумалась.

А в это время дочь вытащила белье из нижних ящиков комода и разбросала по полу. Подошла к плите, раскрыла книгу и начала ею золу выгребать, рассыпала карандаши и всю себя разрисовала.

Всплеснула мать руками:

– Это ты что же?

Вымыла девочку и пошла с ней гулять. Стала она гулять с дочкой по скверу.

Увидала Ираида девочку с большим голубым мишкой, берлинской игрушкой.

– Мама, мишище-то, мама, мишище-то! – стала повторять она и рваться от матери.

Ходили они за этой девочкой, обладательницей резинового зверя, около часу, все смотрели на мишку.

– Мама, лапку, мама, хоть за лапку подержать. Женщина, девочка, надутый воздухом мишка сели на скамейку. Состоялось знакомство.

Девочка дала другой девочке подержать мишку за лапку. Матери разговорились.

Глава II. Поиски соловьиного пения

Тридцатипятилетний человек проснулся. Глаза его были закрыты. Он знал, что если только он раскроет глаза, то ему уже не удастся узнать, видел он сон в эту ночь или нет, поймать быстро исчезающее, если на него вовремя не обратить внимания, сновидение. Лежать утром с закрытыми глазами он решил еще вчера, потому что он чувствовал, что больше не может жить без своего сновидения.

Он лежал неподвижно, погруженный в себя, и силился вспомнить, но вспомнить ничего не мог.

«Между тем все люди видят сны, только не всем дано запоминать их, закреплять в осязаемых образах. Не яблоки ли я видел? – думал Локонов. – Не себя ли я видел маленьким мальчиком, воруящим яблоки?»

Локонов лежал с закрытыми глазами. Сон, виденный им, волновал его.

«Что все это значит, – думал он, – что могло вызвать это сновидение?»

Но постепенно из-под этого сна выплывал другой сон. Локонов понял, что он едет в трамвае на свидание с собой и видит, что вот там, на панели, у Публичной библиотеки стоит он, Локонов, и вот из-под этого сна вырастает еще сон...

«Где же мой прекрасный сон, где же сон моей юности!» – почти воскликнул Локонов и раскрыл глаза.

«Что ж, встанем, почитаем Артемидора, – подумал он иронически. – Нет, нет, почитаем лучше о любви. Не почитать ли „Il Corbaccio“³, или «Азоланские беседы» Пьетро Бембо, или «Il Cortegiano»⁴ Бальтазаро Кастильоне, или, может быть, «Картины супружеской любви» доктора Венетта, или, может быть, индускую книгу «Кама-сутра». Но не лучше ли попасть в живое высокое женское общество?»

Локонов вспомнил, что вчера его пригласила на свое рождение одна дама, знакомая его матери.

«Надо пойти. Наверно, там будет и молодежь, – думал Локонов. – Милые лица, душевные разговоры. Надо окунуться в молодое женское общество».

Долго Локонов приводил себя в порядок.

На улице он открыл в своей походке нечто, что его ужаснуло. Это уже не был легкий шаг юноши.

Локонов вошел в длинную комнату, всю заставленную громоздкой мебелью. Он окинул взором комнату. Бюро грушевого дерева, старинный комод, зеркальный шкаф, портрет оперного артиста с надписью.

Нагоплено.

Сидят две пожилые грушевидные дамы; молоденькая, тоненькая, как хлыстик, барышня и пожилой инженер.

– Не заграничный ли у вас галстух? – после первых приветствий спросила Локонова близорукая, седая, лет пять тому назад омолодившаяся дама.

Локонов ответил, что у него галстух самый простой, не заграничный.

– Но, может быть, у вас ботинки заграничные? спросила дама. – Подумайте, у меня в Париже остался целый сундук трофимовских туфель. У меня и сейчас есть заграничные туфли, – пояснила она, смотря на ботинки Локонова, – только я носить их не могу, пятки они до крови стирают. Как вы думаете, – обратилась она к другой пожилой даме, – что, если дать

---

³ «Ворон» (ит.).

⁴ «Придворный» (ит.).

кому-нибудь их разносить, я думаю, тогда им и сносу не будет, лет пять можно будет носить? Ах, какая у вас сумочка, – повернулась она к молодой девушке, – наверно, заграничная, – и, не слушая ответа, продолжала: – У меня есть дивный бювар, зеленый сафьян. Не знаю, кому заказать. Работают все теперь так грубо, только кожу испортят, да и замков изящных нет, а сумочка из него вышла бы модная. И вот, на днях, – обратилась она к пожилому инженеру, – была я на Николаевском вокзале. Мне страшно захотелось пить. Как они едят, как они едят, – прервала она себя, – каждую косточку обсасывают, а от компота косточки плюют прямо на стол. А я, знаете, к этому не привыкла. У меня была дивная сервировка. Вообразите, весь стол усыпан гвоздиками, резедой, розами! Бедные, бедные цветы, они вянут! На эти цветы ставились приборы, тарелки, закуски, вина.

Локонов чувствовал себя не совсем хорошо в этом обществе, «Душа общества» продолжала:

– Еду я в трамвае, и вдруг незнакомый господин мне говорит: «Гражданка, у вас на шляпе плевков!»

«Как мог попасть на мою шляпу плевков?» – подумала я. Но все же я сняла шляпу, И что ж вы думаете, действительно, плевков. Пришлось вытереть носовым платком. Стала я делать разные предположения, как мог попасть на шляпу плевков. Должно быть, кто-нибудь рассердился, что я сижу, а ему приходится стоять. Взял и плюнул.

Локонову хотелось молодости. Он подсел к худой, как хлыстик, девушке.

Она оживилась.

– Я работаю на «Электросиле», – сказала она. – У нас работает много иностранцев. И каждый иностранец имеет право пригласить в «Асторию» двух знакомых дам. Вот, однажды, подходит ко мне иностранный инженер и говорит:

«Не хотите ли вы вместе с вашей подружкой пойти со мной пообедать в „Асторию“.

А я ему говорю: у меня не одна, а две подруги. «Но, милая барышня, – ответил он, – мы ведь имеем право брать только двух дам с собой». И вот он мне рассказал:

«Дамы, которые с нами там бывают, совсем не умеют есть. Они не знают, где нужно прибегать к помощи ножа и что вообще не следует злоупотреблять ножом. Они, например, режут бефстроганов ножом».

– Я теперь служу машинисткой, – обратилась девушка к Локонову, – но я хочу стать переводчицей и обслуживать иностранных специалистов. Это моя мечта. Как вы относитесь к этому?

Опять в ушах Локонова раздался голос хозяйки, помнившей, что следует занимать гостей.

– Подумать только, какие я подарки делала. Прислуге, например, подаришь зеркальный шкаф или кровать, просто потому, что мне не нравится.

Хозяйка помолчала.

– Подумайте, какая я непрактичная!

Локонов обвел общество взглядом визионера. Голос дамы доносился как бы издалека. Девушка, сидевшая с ним рядом на диване, казалась ему неполным созданием, ей чего-то не хватало. Ему казалось, что и всему обществу чего-то не хватает, что оно к чему-то не причастно. Он чувствовал, что он сидит в обществе, лишенном душ, обладающем только формами, как бы в плоскостном обществе.

Но тут вошла Юлия.

Глава III. Торговец сновидениями и покупатель

Сновали скупщики, перекупщики, спекулянты, менявшие одно на другое с выгодой для себя в денежном или спиртовом отношении.

Конечно, эти спекулянты не пировали под пальмами где-нибудь в роскошной гостинице, там, где останавливались иностранцы, на это у них порохи не хватало, они не купались в мраморных ваннах и не неслись на автомобилях, они довольствовались малым, какой-нибудь попойкой на дому, чаепитием в семейном доме.

Сегодня Анфертьеву повезло: он на барахолке у человека, торговавшего заржавленными напильниками, сломанными замками и позеленевшими пуговицами с орлами, дворянскими коронами и символами привилегированных учебных заведений, купил медное крошечное мурло с зубастым ртом до ушей и торчащим, прямым, как палка, носом.

– Что это за дрянь? – спросил Анфертьев, делая вид, что не понимает.

– Это для ключей, – ответил торговец. – Крюк.

– Для ключей-то не надо, – сказал Анфертьев, – вот если бы это был гвоздик с шапочкой, то можно было бы на него картину повесить!

– Что ж, и картину на этот нос можно повесить...

– Нет, не подходит, – ответил Анфертьев, – мне нужен гвоздь с бронзовой шляпкой в виде розы, нет ли у вас такого?

– Гвоздей нет. Берите это, прикроете гвоздь этой личностью, как шапочкой, почистить мелом, конечно, надо, недорого обойдется.

– А сколько возьмете? – вяло, как бы нехотя, спросил Анфертьев, делая вид, что идет дальше.

– Да берите за двугривенный.

– Двугривенный дорого, гривенник дам.

Вот и купил Анфертьев японскую пряжку от кисета для табаку.

«Три рубля есть, как пить дать, – подумал, отходя, покупатель, – еще бы на три рубля дослать, и сегодняшний день пройдет что надо».

Он остановился и стал слушать, не ругается ли кто-нибудь. Нет, здесь, у забора никто не ругался. Анфертьев пошел дальше по рядам.

«Эх, два бы ругательства достать, – подумал перекупщик, – только бы два ругательства – и рубль денег в кармане. Три да рубль все же четыре».

Он сел на корточки и стал рыться в бумажном хламе.

– Сколько возьмете за это? – спросил он, рассматривая детские рисунки.

– Давайте двугривенный, – ответила баба с лицом пропойцы.

– Двугривенный дорого, – ответили Анфертьев, – вот три бумажки за пяточок возьму, обратную сторону использовать можно!

– Да что ты жмешься! – возмутилась женщина. – Ведь бумага, я ее дороже на селедки продам...

– Пяточок! Хочешь отдавай, не хочешь – не надо.

Анфертьев улыбнулся.

– Ну, бери, жмот... – выругалась женщина. «Еще тимак... – подумал Анфертьев, – эхма, где наша не пропадала...»

В узком каменном доме, украшенном львиными головками, ночью сидели преподаватель голландского языка и бывший артист, ныне, ввиду большого спроса на технический персонал, чертежи, Кузор.

– А нет ли у вас двойных свистулек? – спросил Жулонбин.

– Есть несколько, поломанных.

– Вот и прекрасно, – сказал, радуясь, Жулонбин. – Меня ломаные предметы больше цельных интересуют. Я рассмотрю ночью и постараюсь найти для них классификацию.

– А сновидения вы не пытались собирать? – спросил чертежник. – А то у меня есть один знакомый, он сны собирает, у него препорядочная коллекция снов. Какой-нибудь профессор дорого за нее дал бы! У него есть сны и детские, и молодых девушек, и старичков.

– Познакомьте меня с ним, – взмолился Жулонбин. Руки у систематизатора задрожали.

– Охотно, – покровительственно ответил Кузор, – хотите, мы завтра отправимся к нему.

Всю ночь не спал Жулонбин. Он видел, что он собирает сновидения, раскладывает по коробочкам, надписывает, классифицирует, составляет каталоги.

У Локонова уже стоял Анфертьев и продавал ему сны, записанные у старичка.

– Сон Ивана Иваныча из ряда вон выходящий, – говорил Анфертьев, – меньше, чем за два рубля, не отдам. Любителей-то у меня много, а такие сны попадаются не часто.

– Но ведь это страшно дорого, – настаивал Локонов, – за нечто нереальное платить такие деньги.

– Как, нечто нереальное? – возражал Анфертьев. – Сон-то и есть высшая реальность, во сне-то человек весь раскрывается.

– Вы правы, – согласился, смутившись, Локонов.

– Да пусть это будет и не реальность, а сказка, и за сказками другие за тридцать земель ездят, тьму денег тратят. Нет, как угодно, дешевле никак нельзя.

– За все принесенные вами сны дам я вам три рубля, – твердо сказал Локонов.

– Помилуйте, ведь это грабеж! – взмолился Анфертьев.

«Ну, да ладно, на чем-нибудь другом наживу», – подумал он и, вздохнув, согласился.

– А теперь попейте чайку, – ласково предложил Локонов. К чайку-то и подросли чертежник и преподаватель голландского языка.

– Скоро, скоро, – воскликнул за чаем Анфертьев, обращаясь к Кузору, – будет у меня для вас новенькая свистулька, уж я присмотрел у одного старичка! Уломать придется. «Память, – говорит, – не продается!»

– А для вас у меня есть детские картинки, – сказал Анфертьев Жулонбину. – А вот для одного покупателя я достал серебряный футляр для ногтя!

– Покажите мне его, – попросил Жулонбин.

– Да нет, я его не взял с собой, – ответил Анфертьев.

Он видел, как задрожали руки у Жулонбина.

– Это музейная вещичка, ее нужно хранить как зеницу ока! Детские картинки желаете посмотреть?

У Жулонбина ни гроша не было с собой.

– А вот сон одного молодого человека. Образования молодой человек превосходного, а ведь вот какой сон увидел. Сон, можно сказать, на вес золота. Прочсть, а, прочсть? – спросил Анфертьев. – Только условие: рубль, не меньше, это, можно сказать, не сон, а целое полотно, ужасная картина. Вот, представьте себе молодого человека, сидит он, книжки читает, а на подъеме у него образовалась как бы мозоль. Взглянул, увидел, не мозоль это, а глаз с совершенно ровными веками, с ресницами, но без зрачка. Испугался молодой человек, снял туфлю, стал осторожно сапог, надевать, чтоб никто не заметил. Надевая, попробовал глаз открыть, но глаз хотел спать. У меня это все в точности, аккуратно записано, много подробностей, и цвет глаза, и все, и недорого, рубль всего.

Анфертьев опрокинул рюмочку.

– Не хотите это – другой сон предложу! Анфертьев стал ощупывать карманы.

– Неужели потерял? Вот на этом лоскутке бумажки как будто... Нет, на другом... Не сон, а ужасная драма в пяти частях: «Двое служащих и отрезанная голова девушки». Такой картины и в кинематографе не увидите, только в детективном романе прочтете! Спит бухгалтер и во сне видит, что все спят в тресте, но он не спит, и его начальник не спит. Видит бухгалтер, они мило беседуют. Вдруг замечает, что его начальство с ужасом смотрит наверх, а наверху из гигиенического матового абажура отрезанная голова пишбарышни торчит и улыбается.

– Это все хорошо, – ответил покупатель, – но мне хотелось бы побольше снов лирических, ужасных снов достаточно у меня скопилось, знаете, нужно сохранять во всем равновесие. Сейчас мне лирические сны нужны.

– Что ж вы не предупредили, – возразил Анфертьев, опрокидывая рюмочку, – ведь на прошлой неделе вам как раз ужасные сны нужны были, а теперь вы от них отказываетесь, другие вам сны нужны! Если б я знал, я бы достал для вас лирические сны. Хотя одну минутку подождите, как будто один лирический сон есть. Ах, нет, – сказал он сокрушенно, пробежав бумажку глазами. – Не лирический сон, а комический, хотя и со стихами, а со стихами сны не очень-то часто встречаются.

Покупатель заинтересовался.

– Какие стихи? – спросил он.

– Стихи-то комические, не подойдут, – сказал торговец.

– Все ж, прочтите, – настаивал покупатель.

Анфертьев прочитал по бумажке:

Вот идут опять,
Вот идут, смотри,
Морда номер пять,
Рожа номер три.

– Не подойдет, – сокрушенно сказал покупатель, – сейчас мне нужны лирические сны.

Локонову сейчас, действительно, хотелось лирических снов, он был влюблен в одну девушку и не пользовался взаимностью. Она не замечала его. Ему хотелось утешиться снами, купить небольшое количество снов о любви с какими-нибудь прелестными пейзажами, с каким-нибудь берегом моря, с какими-нибудь альпийскими вершинами, с какой-нибудь возвышенной и трагической любовью.

– Хорошо, – помолчав, сказал Анфертьев. – Есть у меня одна дама, она видит красивые сновидения, каждую ночь красивые сны видит с туберозами, с верандами, с пикниками, с танцами. Только трудно будет достать, расходы будут.

– Хорошо, я у вас возьму ужасные сны, – сказал Локонов, – ведь вы не виноваты, ведь мне действительно в прошлый раз хотелось ужасных снов, хотелось как-то взвинтить себя.

Кузор и Жулонбин играли в шахматы. Они знали, что покупателю и торговцу не следует мешать, они делали вид, что ничего не слышат и не видят, что они погружены в шахматную игру.

После ухода Анфертьева потребитель снов сидел мрачный и задумчивый. Сам он утерять способность видеть сны.

Жулонбин и Кузор вышли вместе.

– У матери Локонова, – сказал мечтательно Жулонбин, – должно быть, много интересных вещей сохранилось. Вот бы ее пощипать...

– Да неудобно, – ответил Кузор, – все же она моя хорошая знакомая.

– Да, конечно, – согласился Жулонбин, думая, что лучше действовать одному. – Конечно, вы правы.

– Я слышал, у вас хорошо представлены спичечные коробки, – сказал Кузор, – вот бы мне взглянуть. Вот новость! Существует общество собирания мелочей старого и нового быта. Где оно помещается – не знаю, слухи носятся, что они достали замечательную коллекцию японских спичечных коробков. Японские – не чета нашим, в виде старинных гравюр, с круглолицыми богами и длиннобородыми духами, с лотосами, воздушными пейзажами. Вообще, нам бы следовало с этим обществом связаться. Не знаете ли вы, где это общество помещается? Говорят, его основал какой-то инженер, связался с Японией, Польшей и чуть ли не с Индокитаем.

– Не слышал, – ответил Жулонбин, – только ведь меня рисунки на коробках не интересуют, меня совсем другое интересует.

– Да, да, – сказал Кузор, – вас и содержание автографов не интересует. А правда, вы собираете огрызки карандашей? – добавил он. – И человеческие пупки тоже? Про вас ведь тоже ходят целые легенды!

Жулонбин выпрямился.

Он сказал:

– Однако мне пора, вот и мой дом. Все же, пожалуй, нам следует связаться с кружком инженера.

Ночью Жулонбин разложил спичечные коробки.

«Да, – подумал он, – а японских-то нету. А классификация будет неполной без японских, и совсем непростительно, потому что, оказывается, японские в нашем городе существуют. Необходимо познакомиться с этим инженером. Анфертьев, подлюга, знает, что мне футляр для ногтей нужен, вот и дорожится!»

Утром, в отсутствие жены, украл Жулонбин у своей дочери ботиночки, взял и, спрятав под пальто, отнес их к Анфертьеву.

Анфертьев сидел, держа огурец, на табуретке и курил.

Башмачки были совсем новенькие.

– Я хотел бы купить у вас китайский футляр для ногтя, – сказал Жулонбин, – покажите мне его.

– Лучше бы калоши, – сказал Анфертьев, – калоши легче продать. В торговом деле быстрый оборот нужен. Эти-то ботиночки, пожалуй, не скоро купят. Ну, ладно, раз принесли, взять нужно. Заплатите тимак, и футляр для ногтей ваш.

– У меня нет с собой денег, – ответил Жулонбин.

– Хоть двугривенный, без денег никак нельзя, – сказал Анфертьев.

Жулонбин поискал в карманах, нашел пятиалтынный.

– Пятачок за мной будет, – сказал он.

Анфертьев покачал головой.

«До чего страсть людей доводит», – подумал он.

– У меня еще к вам дело, – сказал Жулонбин. Не знаете ли вы инженера, у которого японские спичечные коробки имеются.

– Не знаю, – ответил, заинтересовываясь, Анфертьев, – попытаюсь узнать. Это и меня интересует. Кто вам про этого инженера говорил?

– Да, говорят, целое общество есть, интересно с ним связаться, – сказал Жулонбин.

«Ладно, – подумал Анфертьев, – узнаем».

Следом за Жулонбиным вышел Анфертьев. Ударяя ботиночек о ботиночек, шел Анфертьев по улицам к рынку. Подходя к рынку, стал выкрикивать:

– А вот, кому надо детские ботиночки, налетай!

Анфертьев был черноволос, косоглаз, смугл, похож на цыгана. Мать его, француженка, пела когда-то в итальянской опере. Анфертьев утверждал, что его мать – племянница Гюстава Доре. Отец Анфертьева был присяжный поверенный. Анфертьева некоторые обстоятельства

заставили стать пропойцей. Сейчас он был доволен своей долей, он жил весело, по воскресным дням ездил с девицами на Острова.

На травке распивали они бутылочку или дюжинку и нежились на солнышке под кустами акаций, под березкой, сосной или елью.

Если б не пил Анфертьев, то он бы хорошо зарабатывал, но вино губило Анфертьева. Заработает он в день рублей 20 и три дня пьет, пьет до одурения, пьет до тех пор, пока не свалится. Проснется обчищенный и почти голый где-нибудь за городом, или на Обводном канале, или за Нарвской заставой, или в Выборгском районе и смеется.

– Как я сюда попал, убей меня Бог, не помню! Вот стервецы, опять меня обокрали!

Соберет у клиентов денег на опохмелie и пойдет опять торговать. В его комнате, кроме табуретки и кровати, ничего не было, только висела фотография Вареньки Ермиловой в форменном платье театрального училища, подаренная Василием Васильевичем.

Василий Васильевич почти любил Анфертьева, доставшего для него гравюры с изображением Тальони в «Сильфиде».

Анфертьев приносил Ермилову безделушки, связанные с балетным миром, он даже обещал Ермилову достать туфлю Тальони, хранящуюся у одного старичка.

– Эй, выпоротый! – раздался окрик и смех. – Кого сегодня на хомут взял?

Анфертьев от неожиданности остановился. Он узнал голос торговца рваными калошами. Казалось, все торговцы и торговки насторожились.

Чувствуя, что на него смотрят и что сейчас его недруг все расскажет и его опозорит, что даже это мерзкое общество будет смеяться над ним, Анфертьев, не оборачиваясь, скрылся в толпе торгующих с рук.

Деловое настроение было прервано.

Хотя утром он опохмелился, все же снова начало сосать у него под ложечкой.

Он бродил по рынку, улыбаясь, вспоминал, как его красные насильно мобилизовали, как белые, взяв его в плен, выпороли за то, что он, будучи офицером, служил у красных, как затем красные, победив, его чуть не расстреляли за то, что он служил у белых в качестве переводчика, как англичане удрали, оставив его на произвол судьбы, и как затем он полюбил свободную жизнь, в которой, собственно, он чувствовал, никакой свободы не было.

Продав ботинки, подсчитал Анфертьев деньги и снова запил. Слоняясь по улицам, запел во все горло:

Ночи безумные, ночи веселые
Вновь ароматом полны,
Вот и звезда зажглась одинокая,
Чудятся ласки твои.

Он останавливался и бормотал: «Скучно мне, скучно мне». Садился на ступеньки под аркадами Александровского рынка, в чем-то убеждал себя, пил водку и заедал воблой.

Проведя лихо время на Островах с доступными ему женщинами, Анфертьев снова оказался без копейки. Голова ужасно болела, сердце работало крайне медленно, опохмелиться было необходимо.

Еле-еле добрался Анфертьев до главного проспекта, снял с себя рваный пиджак, растелил его с пьяной аккуратностью на панели, стал на колени, положил перед собой свою серую подушку-кепку и застыл с обнаженной головой. Так стоял он довольно долго. Кое-какой капитал начинал образовываться в его кепке. Анфертьев следил за ростом своего капитала, прикидывая в уме, скоро ли хватит на бутылочку. Время от времени он незаметным движением вылавливал часть серебряшек и медяков и опускал их в карман, часть оставлял в виде приманки. Наконец он поднялся, надел кепку и пиджак и вошел в кооператив.

Тут же под воротами он осушил мерку.

– Все в порядке, – сказал он.

Стало легче и даже почти радостно. Но к торговле приступать было рановато. Оставшийся капитал был невелик. Анфертьев снова опустился у водопроводной трубы. Стоя на коленях, он стал раздумывать о торговле.

«Сейчас Локонову нужны сны лирические, – думал Анфертьев, – но со временем ему могут понадобиться сны фантазмагорические, – если его любовь окажется неудачной, – с горами, пропастями, опасными для жизни мостами, с невиданными, ослепительно белыми городами. Затем, возможно, ему понадобятся сны о мировой войне, сны политические, о революции и о пятилетке, но сейчас нужны ему лирические сны, сны о возвышенной любви».

Пьянице хотелось помочь молодому человеку. Анфертьев вспомнил свою молодость, и так грустно ему стало, что он смахнул слезу и стал думать о другом: «Вот девушка видит сон, ей кажется, что она трамвай, она едет и звенит, ей очень весело, она чувствует, что наполнена людьми. Хороший сон, очень хороший сон, – подумал Анфертьев, – может быть, она, милая, была беременна и страдала, а вот во сне получила облегчение».

Прохожие бросали медяки в кепку Анфертьева.

Вечером преподаватель голландского языка проходил по Кабинетской улице. На углу он заметил коленопреклоненную фигуру. Коленопреклоненная фигура кланялась прохожим и что-то бормотала. Систематизатор подошел ближе, желая расслышать слова. Стоящий на коленях Анфертьев бормотал и кланялся, кланялся и бормотал:

– Помогите кулаку раскулаченному.

Анфертьев, заметив Жулонбина, прекратил бормотание, поднялся и исчез в тумане.

Придя домой и пересчитывая гроши, Анфертьев не мог понять, как люди могут нуждаться. Вот он, например, нет у него денег, опустится на колени на улице, снимет шапку, протянет руку, – и дают. Постоишь часа четыре и соберешь.

Иногда Анфертьев поступал иначе, он любил разнообразие.

– И иначе можно заработать деньги, встать на рынке и запеть. На рынке голос иметь не важно. Тоже подают.

Частник изучал своих покупателей, догадывался об их потребностях, все более и более он расширял ассортимент своих товаров, открывал все новые воображаемые магазины. Это было похоже на азартную игру. Торговля увлекала косоглазого человека.

– Я сегодня открыл новый магазин, – сказал Локонову Анфертьев. – У меня большой выбор уличных песен, если услышите, что кому-нибудь из ваших знакомых они нужны, – прошу вас порекомендовать меня.

– Но ведь они никому не нужны, – возразил Локонов.

– Я знаю, многие молодые люди, чтобы развлечь общество, читают вслух эти песни. Это простое средство стать занимательным человеком, это куда тоньше, чем анекдоты. Я уверен, что этот товар пойдет, – ответил Анфертьев..

– Хорошо, – ответил клиент, – я подумаю, припомню.

– Может быть, и для доклада кому-нибудь понадобятся, – добавил Анфертьев.

– Хорошо, я припомню, – повторил клиент и отошел, закрыв лицо руками, к окошку.

Анфертьев заметил, что клиент его расстроен.

– Любили ли вы когда-нибудь, Анфертьев? – оборачиваясь, спросил Локонов.

Анфертьев понимал, что Локонова совершенно не интересует, любил ли он, Анфертьев, или нет, что это просто движение души.

Торговец стал думать, какие теперь потребности появятся у покупателя.

«Ему теперь не до снов», – думал он.

Анфертьев не хотел терять покупателя.

Глава IV. Зеленый дом

Локонов следил издали за своей любовью. Она шла под руку с незнакомым ему человеком. Видно было, что они идут дружно, в ногу. Локонов чувствовал, что они идут, как спешащие и радующиеся всему молодожены, но он не мог оторваться от них и не идти за ними. Локонов шел за ними следом, все же сомневаясь и ругая себя за переизбыток фантазии.

Он сжимал кулаки и был зол на себя за то, что он преследует их, но остановиться у него не хватало воли.

«Это нечестно, – убеждал он себя. – Я ведь не маньяк, не сумасшедший, чтобы преследовать девушку, не желающую иметь со мной ничего общего. Я должен отстать от них».

Но он все шел и шел за спешащей, весело болтающей, радостной парой. Его соперник был юн и, очевидно, о чем-то интересном рассказывал, потому что любовь Локонова хохотала. Они останавливались у витрин магазинов и, рассматривая товары, о чем-то беседовали.

«Острят», – с тоскою подумал Локонов.

Ему неприятно было, что с другим его любви весело.

Наконец, пара скрылась в подъезде какого-то дома.

Локонов видел, что незнакомец пропустил ее вперед, а сам последовал за нею.

Локонов остановился, отошел на угол и стал ждать.

Он ждал долго, до боли в ногах, но пара не появлялась.

Чтобы как-нибудь скоротать время, Локонов стал считать. Он досчитал до тысячи, делая к концу все большие и большие паузы, а скрывшиеся не показывались.

Постоял, постоял Локонов и принялся считать до десяти тысяч.

Он устал считать, а они все не появлялись. Дворник запер ворота. Локонов снова принялся считать.

Дом был какой-то удивительный, зеленый, облупленный, с выступающими на улицу фигурами, с пышным подъездом с нависающими балкончиками, с удивительно узенькими окнами, с чрезвычайно изогнутой крышей, с газовыми фонарями на извилистых стеблях.

Дом был сдавлен с боков многоэтажными домами без всякой архитектуры, домами, состоящими сплошь из надстроек, тоже облупленными. Первые этажи этих домов были построены в начале прошлого столетия, а последующие добавлялись по мере роста благосостояния владельцев или по случаю перехода в другие руки.

Переулок был узок, хотя находился в центральной части города, казался забытым, тротуары были чрезвычайно узки и поломаны.

Локонов вообще любил рассматривать архитектуру домов, но такого дома он не встречал в своих частых и одиноких блужданиях.

Этот дом не упоминался ни в книге Курбатова, ни в изящных изданиях предреволюционных лет. Также о нем не упоминалось и в послереволюционных изданиях. Этот дом относился к презираемой всеми архитектурной эпохе, недостаточно отошедшей, чтоб к ней могли отнестись беспристрастно. Это было здание, возникшее в эпоху постройки доходных домов, когда считалось, что постройка дома является наиболее выгодным вложением капитала, когда нотариусы, лакеи, официанты копили деньги с надеждой построить дом и таким образом упрочить свое благосостояние и добиться богатства. Этот же витиеватый дом в четыре этажа казался какой-то дикой фантазией, и было чрезвычайно странно, что он построен именно здесь, в этом доходном переулке.

Так, незаметно для себя, размышлял Локонов.

«Который теперь может быть час?» – подумал Локонов и снова стал считать.

На широкой улице, видной из переулка, исчезли последние прохожие, смолкли звонки трамваев.

Локонов перестал занимать свой мозг цифрами. Он понимал, что ему необходимо уйти, что стоять нечестно, что он унижает себя. Наконец, он нашел в себе достаточно силы воли, повернулся и пошел. Но в это время скрипнули ворота. Локонов почувствовал, как учащенно забилось его сердце. Он обернулся. Медленно вышла из-под ворот пара. Видя, что деться некуда, Локонов стал за фигуру. Ему показалось, что любовь узнала его и удвоила шаг. Локонову хотелось бежать за ней и объяснить ей, что он попал сюда случайно, что он не думал ее преследовать, что это очень печальное недоразумение, но он понимал, что она ему все равно не поверит.

Захотелось сновидений оскорбившему себя человеку. Пошел он утром к Анфертьеву, но торговца в это время не было дома. Уже собирался уходить Локонов, когда повстречался с возвращающимся под хмельком Анфертьевым. Высокие идеи одолевали Анфертьева, он мечтал стать поставщиком госучреждения.

– Ведь вот, существует Институт мозга, – сказал Анфертьев, обрадовавшись, что нашел собеседника. – Ему несомненно сны нужны, но как связаться с ним? Вот я и не подумал.

Площадка была узенькая, от Анфертьева неприятно пахло винным перегаром и вишнегретом. Локонову некуда было деться.

– Будет ли государственное учреждение покупать у меня сны? А между тем мой товар ценен, не вам мне об этом говорить. Ведь если б до нас дошли сны времен французской революции, сны бабёфовцев, сны якобинцев, сны времен Директории и времен Парижской Коммуны, какой бы это был ценный вклад в бытовую историю революции, так сказал бы я. «Я вас понимаю, – Анфертьев пьяно развел руками и поник, – ответит мне директор, – но ведь сметой подобные расходы не предусмотрены. Заключение, подобной торговой сделки с частным лицом, действительно, может показаться инспектирующим органам сновидением. Но, между нами говоря, ваше предложение мне кажется ценным. Конечно, советую вам представить не проект с предложением торговой сделки, а просто предложить свои услуги по собиранию снов, может, какое-нибудь ежемесячное вознаграждение мы вам и выкроим, может быть, мы для приличия придумаем вам какую-нибудь должность. Во всяком случае не теряйте с нами связи».

Анфертьев держал Локонова за пуговицу и не отпускал. Ему хотелось побеседовать и высказать свои сомнения.

– А может быть, там мне и этого не предложат. Ведь могут не предложить? «У нас есть достаточно аспирантов», – скажут они мне. «Да ведь это все не то», – тщетно буду говорить я. – Куда вы? – спросил Анфертьев Локонова.

– Я вас провожу, – догнал Анфертьев спешащего Локонова. – Вы куда направляетесь?

– Да я просто в саду посижу, – ответил Локонов.

– Посидим вместе, – предложил Анфертьев, – я для вас лирические сны купил.

Локонов молчал. Ему сейчас не очень-то хотелось снов. Ему только казалось, что он за сновиденьями идет к Анфертьеву.

В сквере сидел статистик, бывший преподаватель пластики, Завитков, курил и скучал после ссоры с тещей.

Локонов хотел проشمыгнуть, но Анфертьев подошел к Завиткову. Пришлось и Локонову поздороваться.

– Вот я видел какой сон, – сказал Завитков Локонову. – Стою я на мосту, солнце со всех сторон. И спереди и с боков летают аэропланы в виде золотых рыбок. Весь воздух наполнен ими. Все аэропланы пропадают, остается одна золотая рыбка. У нее испортился мотор. Она лежит на мосту и задерживает движение. Открывается пасть, как рыба, когда засыпает. Из ее пасти вылезает, выходит совершенно нагая девушка, берет меня под руку и говорит:

«У меня есть билет на „Руслана и Людмилу“. Тут сон прерывается, не понять, что дальше было, продолжал Завитков, – опять я стою, и опять летают рыбы. Тут должна быть рыба, в которой эта девушка находится, – решаю я. – Начинает одна рыба опускаться, я бегу к ней,

думаю, в ней эта девушка, но в это время падает другой аэроплан. Подбегаю, думаю, в нем она. Падают и падают аэропланы. Я бегаю от одного к другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.